

Пушкин комментирует Набокова

Издатели готовятся к 100-летию юбилею автора «Дара» и «Лолиты»

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Юбилеи принято ругать — и правильно; шумные торжества сопровождаются неизбежными приходами пошлости. Пушкин мог родиться и на год раньше, и на два позже, от этого ничто не изменилось бы. Но юбилейный повод не хуже любого другого; если фонды ссужают деньги под круглую дату — на переиздание литературных древностей и новаторских штудий, если библиотеки наши пополняются — то и слава Богу. Фанфары отзвенят, фейерверки погаснут; но переведенные книги Владимира Набокова останутся на полке — его американские «Лекции по зарубежной литературе: Остен, Диккенс, Флобер, Джойс, Кафка, Пруст, Стивенсон» (выпущены издательством «Независимой газеты» под редакцией Владимира Харитоновича); лекции и статьи о литературе — русской; а главное — «Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий, ныне впервые вышедший порусски (под редакцией Владимира Старка), занимал в английском оригинале четыре полновесных тома; издательство «Искусство-СПБ» втиснуло текст вкупе с приложениями в один монументальный фолиант. Всякий, кто имел дело с научным книгоизданием, для кого слова «подготовка текста» — не пустой звук, понимает, чего стоило переводчикам и комментаторам довести дело до победного конца. Остальных прошу поверить на слово: это наверняка был титанический труд.

Собственно, и со стороны Набокова то был многолетний «кабинетный подвиг»; не страдая от излишней скромности, он писал сестре: «Россия должна будет поклониться мне в ножки (когда-нибудь) за все, что я сделал по отношению к ее небольшой по объему, но замечательной по качеству словесности». Что правда, то правда: достаточно вспомнить набоковские переводы «Онегина», «Героя нашего времени» (совместно с сыном Дмитрием), его гоголевские штудии, многолетнее преподавание русской литературы в Корнеллском университете. Долг платежом красен; будем считать, что благодаря московским и питерским переводчикам в 1999-м Россия с Набоковым расквиталась; это дает нам необходимое как воздух чувство интеллектуальной свободы по отношению к нему — и его работе.

Что же за книгу мы держим в руках? Чего ждать от встречи с ней?

Когда в начале 80-х ленинградское отделение педагогического издательства «Просвещение» выпустило в свет «Комментарий» к «Онегину», составленный Юрием Михайловичем Лотманом, это стало грандиозным событием. Не столько научным (не все коллеги соглашались признать «онегинские» штудии высшим проявлением лотмановского гения), сколько общественным. Чему доказательством служили миллионные тиражи и многочисленные переиздания (последнее вышло два года назад). Произошла значимая встреча высокоумной филологии с массовым сознанием; спустившись с заоблачных университетских высот на школьную землю, гуманитарная наука заговорила внятными языком — и не перестала быть наукой.

Выход набоковского «Комментария» будет событием совершенно иного рода — не общественным, не научным, а литературным. Почему не общественным, понят-

но; сам Набоков относился к «обществу» с нескрываемым презрением. Если он кого и стремился просветить, то племя американских интеллектуалов; до московских, псковских, новосибирских школьников, абитуриентов, библиотекарей, учителей ему не было ровным счетом никакого дела. Почему не научным, объяснить труднее. Множество сделанных Набоковым наблюдений можно считать открытиями. Таковы найденные им в пушкинском творчестве параллели с французскими поэтами, а также с английскими, которых, по мнению Набокова, Пушкин воспринимал через французское посредство. Не имея доступа к черновикам, он с помощью интеллектуальных построений расшифровывал «темные места» пушкинского текста — и, как теперь выясняется, абсолютно точно. Предложенная Набоковым реконструкция X главы, возможно, вернее традиционной, морозовской. И все-таки: специалисты могли работать с текстом «Комментария» и без перевода, ничего нового для них в питерском издании нет. А главное, с последовательно «ученой» точки зрения «Комментарий» прихотлив, случаен, своеволен и капризен. Не может исследователь позволить себе такие пассажи: «...князь Петр Вяземский (1792—1878), мало-значительный поэт, жестоко страдал от влияния французского рифмоплета Пьера Жана Беранже... Пушкин очень любил Вяземского и соперничал с ним в зловонности метафор». Между тем именно на таких пассажах все у Набокова и держится...

Но если мы забудем об ученом сообществе — и заодно отрешимся от общества «неученого», все станет на свои места. Перед нами мозаичный интеллектуальный роман, сочиненный на полях «Онегина»; герой романа — Комментарий, испытывающий к Пушкину мучительно двойственное чувство восхищения и ревности. Комментатору важно подчеркнуть: он родился ровно через 100 лет после Пушкина, его няня из тех же мест, что и легендарная Арина Родионовна, воспитывали его точно так же, как Онегина, дрался и он на дуэли. Комментатор убежден: пушкинский текст оживает только в нем, в его сознании; он не отгадчик цитат, не пояснитель смыслов, но — медиум романа, не понятого автором, Пушкиным. В свою очередь, чтение «Онегина» позволяет Комментатору лучше понять природу собственного подсознания, охватить единым взором все пространство своей судьбы. Так что в известном смысле Пушкин комментирует Набокова, а не Набоков — Пушкина. В 1964-м, когда набоковский «Комментарий» вышел в свет, еще не были сформулированы постулаты постмодернизма; однако нет сомнений, что перед нами — один из первых полноценных постмодернистских романов.

Из чего следуют по крайней мере два вывода. Первый. Изучать русскую литературу по Набокову невозможно. Изучать Набокова по его филологическим штудиям очень даже легко. И второй. Поклонник постмодерна получит от «Комментария» истинное наслаждение. Обладателю более утонченного вкуса, выбирающему модерн, приятнее будет перечитать «Лолиту». Если же ваши читательские предпочтения сформированы классической эпохой, лучше обратитесь к тексту «Евгения Онегина».

Замечательный роман, не оторвешься.

13 марта — 07
1999 — Вяземский

155